

**ПАМЯТИ
УНИВЕРСИТЕТА
АЛЬБЕРТИНА**
Доклад,
прочитанный
перед Геттингенским
рабочим кругом (1952)¹

А. Мигель

Мне самой кажется это почти дерзостью — выступать здесь со своими воспоминаниями перед теми, кого наши пращурь называли представителями высокой учености. Говорить перед вами об университете в Кёнигсберге, о его исторической памяти в академическом ключе, пожалуй, едва ли уместно для меня: мои воспоминания об Альбертине — всего лишь только маленькие арабески, не претендующие на полноту.

Я — дитя Кнайпхофа, и мои первые годы я провела там, у собора, словно в большой, обоими рукавами Прегеля обнимаемой детской в общем доме Кёнигсберга. К моим первым впечатлениям принадлежит двор у собора вместе с гимназией, которая тогда еще звалась кнайпхофской. К этим впечатлениям относилось и здание старого университета — угловая постройка сероватого цвета. Когда я слышала, как с подчеркнутым почтением это неприметное вытянутое сооружение называли Альбертиной на Кнайпхофе, то старалась смотреть на это неприглядное здание с маленькими окнами позади каштанов с повышенным уважением и только удивлялась тому, что так мало людей входит и выходит из него.

Гораздо больше мою детскую любознательность занимало приземистое строение у северной стены собора — профессорский склеп. С ним рядом — еще один некрополь с примечательным именем «Stoa Kantiana», и в один из апрельских дней туда хаживало много взрослых, будто в гости к живому философу, получив приглашение на его день рождения. Я уже знала, что его зовут Иммануил и что он изобрел императив. О нем все время упоминали не только в устных рассказах, но даже в стихотворении, которое одна из моих тетушек поручила мне торжествен-

¹ Перевод с немецкого выполнен по изданию: *Erinnerungen um die Königsberger Universität — Vortrag gehalten für den Göttingener Arbeitskreis, 1952 // Miegel A. Aus alten Zeitungen und Schriften. Jahresausgabe 1994; der Agnes Miegel Gesellschaft.*

Поступила в редакцию 15.10.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-11

© Гильманов В. Х., Спесивцев И. А., пер. с нем., 2015

но продекламировать по случаю дня рождения автора императива. Я все время собиралась заглянуть к нему, переступив порог некрополя с его гробницей, но меня неизменно удерживало то, что для этого я должна сначала стать взрослой и, среди всех прочих благословений моего права посетить философа, иметь то, что имеют взрослые девочки, а именно — длинное платье и приколотые заколками косы.

Однако мой отец не заставил меня ждать так долго, и в один из очередных дней рождения философа 22 апреля он вместе с моим дядей-крестником взял меня с собой совершить обряд торжественного визита. Видимо, он поспешил, поскольку мои ожидания, пусть и к большому сожалению для меня, не оправдались, что, наверное, вполне объяснимо для моего тогдашнего возраста. Так или иначе, но этим посещением я была несколько разочарована. До этого мне уже не раз приходилось бывать на траурных церемониях, связанных с кончиной кого-нибудь из моей многочисленной родни, поэтому я была посвящена в ритуал благочестивого стояния перед гробом почившего родича. Он был соблюден и в этот визит на день рождения философа: я честно и скорбно простояла четверть часа среди многих посетителей его могилы, которые всем своим видом подчеркивали, что пришли совсем не на день рождения, а выразить скорбную печаль. В общем я справилась со всем, что предписано ритуалом, и только влажные плесневелые стены и ледяной затхлый воздух в склепе несколько стесняли меня.

Если честно, то мне было жаль великого покойника, ведь он мог бы упокоиться не здесь, в сырости соборного склепа, а под зеленью лип где-нибудь на одном из наших кладбищ у городского вала. Ко всему прочему, разочарование усилило напрасное ожидание того, что кто-нибудь из важных, что-то все время шептавших господ скажет и покажет, наконец, то сокровище Иммануила с загадочным именем «императив», о котором все вокруг говорят. Ну и поскольку детям нечего приставать с расспросами в такие минуты да и отец мой и крестный, между которыми я стояла, были полностью поглощены происходящим и тихим таинством, будто заново хоронили Иммануила, я, несколько удрученная могильной атмосферой, выскользнула из склепа на весенний воздух.

В те годы мы уже проживали на улице Ярмарктгассе², ставшей позже Кайзерштрассе. Старое название улицы напоминало о ярмарочном рынке, в давние времена он круглый год действовал на просторной площади, окруженной газовым заводом и госпиталем Святого Георгия. Но это было давно, а в моем детстве ярмарка на площади продолжалась только одну неделю, а потом площадь пустела. От нашего дома я шла по улицам Форштадта в сторону Альтштадта и Лёбенихта, часто заглядывая по дороге в гости к сестрам моего отца. Они обе проживали в приютах: старшая в реформистском на Кёнигштрассе, младшая в альтштадтском у новой Россгартенской церкви. У этой церкви была самая прекрасная из башен нашего Кёнигсберга.

В ряду этих моих детских воспоминаний картина нового университета на площади Кёнигсгартен появляется много позже, чем старая Альбертина. На этой картине моей памяти новое здание университета еще не окружено тем прекрасным зеленым венцом, который вырос позднее. Но весной на

² Ярмарочный переулок (нем.).

высоком боскете и вокруг конного памятника королю цвела сирень, а в маленькой аллее за барочной постройкой Королевской галереи перед высокими домами с южной стороны площади, где тогда еще не стоял памятник Канту, принимались каштаны — всё это казалось нам таким прекрасным! Но вот здание нового университета, о коем все мои родичи говорили с подчеркнутой гордостью, не забывая упомянуть о духе Шинкеля³, пропитавшего архитектуру этого большого сооружения. Я чувствовала смущенную неуверенность как перед восторженным настроением родственников, так и перед пышной огромностью этого здания, не казавшегося мне столь уж прекрасным. Его желтые обожженные кирпичи, серые колонны крытой галереи, его стиль, от которого исходил чуждый мне холод архитектурной классики, — всё это заставляло меня с тоской думать о соборе и о маленьком сером здании старой Альбертины над Прегелем. Я успокоилась лишь тогда, когда поняла, что Кант никогда не преподавал в этом новоделе, и с любовной благодарностью поглядывала по дороге в школу на побеленный дом, выглядывавший из-за буйной зелени по улице Шлоссптрассе. Я знала, что в этом доме он какое-то время жил, прежде чем переехал на улицу Принцессинштрассе. Этот дом в свежей побелке казался мне живым и бодрым. Не то что дом на Принцессинштрассе, где, казалось, поселились привидения: его дверь была наглухо и постоянно закрыта на ключ, а окна заколочены гвоздями. От одного вида последнего жилища Канта хотелось плакать, и поэтому после его сноса я в своем детском глупеньком сердце совсем не испытала какого-либо огорчения или сожаления. Лишь много позже я поняла, каким преступным головоутием было решение о сносе дома Канта и начале возведения на его месте первых многоэтажек в Кёнигсберге. И также много позже я начала постигать все возвышенное благородство и красоту архитектурного стиля Новой Альбертины, созданной учеником Шинкеля.

Начало этого счастливого преобразования я вспоминаю с благодарностью. Оно пришлось на то мгновение юности, когда сердца еще открыты истории и искусству. Мы, я и моя близкая подруга, постигавшая искусство рисования, находились в одном из кабинетов выставочного зала медных гравюр в восточном крыле семинара по истории искусства. Было послеобеденное время. Мы в полном благоговении, в отличие от сегодняшней молодежи, пресыщенной художественными выставками и качественными репродукциями, рассматривали офорты старых мастеров. Подобно тому, как я некогда всматривалась в старинное здание университета во дворе Кафедрального собора, теперь я смотрела на эти старинные гравюры. И они заговорили: казалось, все Средневековье в его строгой и сдержанной красоте открылось перед нами. И другое время тоже, то великое время, когда еще только начиналась наша Альбертина, — все это прошлое становилось для нас живейшим настоящим. Глядя на офорты Гойи, мы, дети долгого мирного времени, в первый раз узрели то, что такое война. Здесь мы познали истинные часы, показывающие время истории. Во времени на циферблате этих часов мы почувствовали себя сродненными с великой академией, через чьи звучные коридоры шествовали профессоры и студенты, поспешая в

³ Шинкель Карл Фридрих (1781–1841) — немецкий архитектор, художник, ведущий представитель «романтического историзма» в немецком зодчестве.

старый актовый зал с эффектными картинами, на которые мы поглядывали с потаенной любовью и уважением. В пасхальные праздники мы видели шествующих от Новой Альбертины абитуриентов. Они шли через площадь, и на их головах красовались багряно-красные кепки из бархата, окаймленные золотой нитью, а на них мерцали золотым или серебряным блеском знаменитые «альберты» — значки-эмблемы Альбертины. Никогда, однако, ко мне не приходило желание самой стать частью этих торжественных и чинных процессий, чтобы почувствовать гордое право входить и выходить через большие парадные двери университета, растворившись в круговороте студенческой суеты. Чересчур уж самонадеянно казалось мне это тогда, хотя до нас уже дошли легендарные истории о первых женщинах, отважившихся на это.

Моя связь с Альбертиной была самого скромного рода — это была школьная дружба! В школе имени Крауса⁴, в которую я пошла лишь в двенадцать лет, будучи принята в класс, где уровень знаний учащихся был, к моему сожалению, много выше моего, меня посадили по одну руку рядом с младшей дочерью советника консистории Нелли Якоби. Я так любила ее, что до сих пор называю ее Неллечкой, никак иначе. По другую руку от меня сидела старшая дочь ученого-богослова Тильда Корниль: мы с ней были одноклассницы, более того — родились не только в один год, но и в один и тот же день.

Что значили для меня тогда Тильда и ее братья-сестры, — впрочем, не только для меня, но, пожалуй, еще больше для моих родителей, — я смогла оценить лишь сейчас, когда почти все они уже упокоились на старом кладбище их родного города Франкфурта. В те школьные годы южнонемецкая жизнерадостность и веселый открытый нрав детворы из семьи Корниль, с которой я водила дружбу, были моим родителям по сердцу. Сказывалась, видимо, полузабытая память предков, растворенная в общности франкфуртской крови, перемешанной в роде Корниль с кровью родичей из какой-то французской колонии. До сих пор мое сердце переполнено благодарностью этой веселой ватаге Корниль за то, что она во главе с Тильдой вошла в мою жизнь, открывая мне новый, необычайно красочный мир. Этот мир, о котором я ничего не знала, рождался для меня из их историй, и лишь позже я узнала, что этот дарованный мне ими мир был миром молодого Гёте! Сегодня я уже точно знаю по опыту моей собственной жизни, как университет способен уже тем воздействовать на людей, давно живущих в университетском городе, что он встраивает в создаваемую им атмосферу других людей, приехавших в город из других краев. И в этой атмосфере города, проникнутой духом университета, рождается живой контакт между старым и новым, между теми, кто уже знает город, и теми, кто хочет научиться его жизни.

Вскоре, благодаря детям, к нам пожаловал и сам их отец — господин богослов Корниль. Моему отцу он подарил свою книгу о пророках Ветхого Завета. Уже с первого взгляда обоих связала та глубокая симпатия, для ко-

⁴ Краус Кристиан Якоб (1753—1807) — профессор практической философии и камеральных наук в Кёнигсберге. Переводчик А. Смита. Ученик И. Канта. Одна из центральных фигур в интеллектуальной жизни Кёнигсберга своего времени.

торой не нужно слов. В юности мой отец страстно мечтал стать богословом, и, кто знает, может быть, в новом знакомом он увидел осуществление своей мечты. Настоящим счастьем для отца было слушать проповеди своего нового почитаемого им друга в маленькой реформаторской церкви, основанной в XVIII веке потомками переселенцев из Франции. Эта церковь именовалась в нашем семейно-дружеском круге «нашей церковью», чего я долго не могла понять, потому как своей церковью я всегда считала собор. И все же отец чаще хаживал в «нашу церковь», чтобы послушать французскую проповедь, как бывало в детстве, когда его водила туда его бабушка. По семейной традиции он все еще настаивал на том, чтобы каждый из нас хотя бы раз в жизни прочел всю Библию (я сомневаюсь, однако, в том, что моя мать, энергичная и живая, к тому же воспитанная тетушкой на пиетистских молитвенниках, довела эту традицию до конца). Мне, однако, отцовский наказ не стал большой обузой, потому что в одну холодную зиму мы вместе с ним освоили все тексты ветхозаветных пророков, опираясь при этом на богословские толкования господина Корнилия. Вспоминая о той зиме, я возвращаюсь в мыслях в атмосферу, в которой белизна и изящество печати страниц сочинений Корнилия соседствовали с грузными литерами и желтыми пятнами от застарелой сырости на страницах нашей семейной Библии. И над всем этим ветхозаветным прошлым в моей памяти встают лица детей Корнилия, розовощекие, веселые, курчавые отпрыски, воспоминания о которых перемежаются с лицами многих других, собранных вместе в общем актовом зале моей памяти об Альбертине. Из него выплывает и оживает образ моей близкой подруги юности Марии Петерс. Как тогда, я все вижу и слышу вновь: ее белокурые волосы, обрамляющие нежное голштейнское лицо; стук ручной прялки ее матери; голубые лилии перед их старым домом у подножья холма, на котором стояла обсерватория.

Я вижу Генриха Вольфа⁵, склонившегося в своей заполненной светом мастерской над новой гравюрой, сродной по искусству одухотворенного мастерства тем, что я видела в кабинете гравюр Альбертины. Я вижу образы, рожденные его руками, — образы тех великих мужей, кои составили славу Альбертины и нашего города, воссиявшую далеко за пределами Восточной Пруссии. И это — долгая череда лиц и имен, оставшаяся в моих воспоминаниях. Первым в этом моем списке памяти стоит Людвиг Лихтгейм⁶, великий врач: его лицо с бородой казалась мне ликом какого-то библейского патриарха. Среди многих других вспоминается врач-психиатр и почитатель Шекспира Галлерфорден⁷: он казался всегда погруженным в

⁵ Вольф Генрих (1875—1940) — немецкий художник-график, профессор искусств Кёнигсбергского университета. Автор офорта «Кант за письменным столом». В 1932 году медицинский факультет Кёнигсбергского университета удостоил Вольфа профессорского звания за серию изображений медиков университета.

⁶ Лихтгейм Людвиг (1845—1928) — немецкий врач. Профессор медицины Кёнигсбергского университета и старший интернист лаборатории университетского госпиталя. Ректор Кёнигсбергского университета (1900—1901).

⁷ Галлерфорден Юлиус (1882—1965) — немецкий врач, исследователь мозга. Руководитель Института исследований мозга общества Макса Планка. Обучался, защитился и сочетал врачебную деятельность с лабораторными исследованиями в госпитале при Кёнигсбергском университете (1902—1918). Впоследствии — один из фигурантов Нюрнбергского процесса над врачами.

какое-то непрерывное размышление. Я вспоминаю лицо всем известного тогда хирурга, но чаще его жену с фиалковыми глазами: ее необыкновенная красота, тихая и неброская, вдохновила меня к созданию одного из женских образов в моих стихах.

Но вся эта первая галерея почитаемых образов моей юности растворяется в последующих волнах моей памяти, наполненных живыми воспоминаниями о тех, с кем связала меня судьба в недавние времена и с кем разлучила смертью, переполнив мое сердце такой печалью, что я даже не смогу сейчас спокойно произнести их имена.

Есть, однако, такие воспоминания, которые, вопреки печали, наполняют мою память ликующим светом, подобно солнцу, пронизывающему августовский день в Раушене на берегу моря. И в его лучах я вновь вижу маленький дом в окружении сосен и чувствую дыхание ветра, наполненное ароматом люпинов и цветущего вереска. А на пороге я рядом с Хеленой Нейман⁸, ученицей Генриха Вольфа, сумевшей в своих картинах передать всю нежность этой волшебной ворожбы летнего побережья. Мы стоим рука об руку рядом и смотрим на двух увлеченных беседой пожилых господ. Их убеленные сединой головы, их полные благородной степенности профили, четко вырисовывающиеся на фоне застекленной мансарды, — будто живое воплощение единства формы и духа. Это — отец Хелены, Франц Нейман⁹, и его коллега, ученый-физик из Риги.

И еще одно незабываемое воспоминание — то мгновение, когда я, подгоняемая ревом сирен воздушной тревоги, в последний раз в спешке сбегала по ступенькам вниз, навсегда расставаясь с университетом на Парадной площади. И, оглянувшись на это уже обреченное творение ученика Шинкеля, я вдруг ясно осознала, именно в этот миг его неизбежной гибели, все прекрасное благородство архитектуры его формы и духа. И это осознанное переживание утешило меня тогда, как и утешает теперь. Подобно звездному небу в ту ночь конца августа, сиявшему чистым светом из беспристрастной голубой дали вечности над гибельным чадом земного разрушения, оно сказало мне, что это не конец, что свет духа не угаснет, что поверженная в прах рука передаст его дальше, от учителя к ученику, от изгнанника к преемнику, от гибнущего мира к приходящему, и так дальше, от народа к народу. Это — свет благоговейно стремящегося к познанию истины духа: именно им освящена слава нашей Альбертины, нашего университета Канта.

Пер. с немецкого В. Х. Гильманова, И. А. Спесивцева

⁸ Нейманн Хелена (1874–1942) — немецкий график, живописец. Кроме характерных для нее офортов она создавала преимущественно литографии и акварель. Большое количество ее оригинальных литографий выпускалось в серии почтовых открыток в период с 1908 по 1920 год. Агнес Мигель отзывалась о Х. Нейманн как о художнике-графике, которая самым интимным образом запечатлела на своих картинах нежное волшебство природы побережья Балтики.

⁹ Нейман Франц Эрнст Кристиан (1834–1918) — немецкий патолог и гематолог, описавший «лимфоидные мозговые клетки» в костном мозге и доказавший, что в этом органе производится кровь. В 1866 году Эрнст Нейман стал профессором в Кёнигсберге. За год до этого он занял должность ректора Кёнигсбергского института патологии и находился на этой должности до 1903 года. Предвестник концепций стволовых клеток и кроветворения.

О переводчиках

Владимир Хамитович Гильманов – д-р филол. наук, проф. кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru.

Илья Александрович Спесивцев – философ, исследователь литературного наследия Восточной Пруссии, sigmand@rambler.ru

About translators

Prof Vladimir Gilmanov, Department of International Philology, Department of Historical Linguistics, Foreign Philosophy, and Document Science, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, gilmanov.wladimir@rambler.ru.

Ilya Spesivtsev, philosopher, researcher of the literary heritage of East Prussia, sigmand@rambler.ru.